[16] Комплексная программа духовно-нравственного оздоровления общества Общероссийского мусульманского движения (ОМОД) «Нур» // Нурул Ислам. 1998. № 11.

[17] *Поляков К.* Вызов религиозного экстремизма в Дагестане // НГ-Религии. 14 янв. 2001 г.

[18] *Ахмедханов Б.* Увидимся в раю // Новое дело. 2000. № 41.

[19] *Поляков К.* Указ. соч.

[20] *Магдигаджиев А.* К озабоченности еще бы и компетентность // Новое дело. 13 окт. 2000 г.

[21] Нужен ли России антиваххабитский закон? «Круглый стол» // Новое дело. 23 февр. 2001 г.

Z.M. Abdulgatov. Contemporary Religious Situation in Daghestan (the Process of Moslem Revival)

There was a religious revival in Daghestan after the breakdown of the USSR, which gives the author ground to speak of the second Islamization of the North Caucasus. The sociological data on the religiosity of the population of Daghestan, collected during a survey of the mountain, foothills, and flat areas of the republic, are provided. The appeareance of Wahhabism, fundamentalist ideology, the issues of the relations between the state and the church are discussed.

© 2002 г., ЭО, № 6

Ю.А. Снопов

ЕВРЕИ В МОСКВЕ: ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ И РАССЕЛЕНИЕ (XV – СЕРЕДИНА XX в.)

Серьезные работы по демографии и статистике еврейского населения России появляются в нашей стране в начале XX в. Исследование Бориса (Дова) Бруцкуса «Статистика еврейского населения: Распределение по территории, демографические и культурные признаки еврейского населения по данным переписи 1897 г.» (СПб., 1909), основанное, как видно из названия, на анализе итогов всеобщей переписи населения, стало едва ли не первым трудом, в котором давалась достаточно полная демографическая картина жизни евреев в России. Этой работе предшествовало другое исследование того же Бруцкуса – «Профессиональный состав еврейского населения России: По материалам Первой всеобщей переписи населения 28 января 1897 г.» (СПб., 1908). Видный специалист в области экономики сельского хозяйства Бруцкус был к тому же сотрудником Еврейского колонизационного общества (ЕКО), что способствовало его интересу к «экономической демографии» еврейского населения и в особенности к статистическим исследованиям еврейских земледельческих колоний. Кроме упомянутых выше он выпустил еще две работы – «Еврейские земледельческие колонии» (СПб., 1909) и «Еврейские земледельческие поселения Екатеринославской губернии» (СПб., 1913), в которых на материалах переписи 1897 г. и данных исследований, проведенных ЕКО, дал подробный анализ хозяйственный жизни этих поселений.

Во время Первой мировой войны и в 1920-е годы демографические исследования еврейского населения не прекращались. Отчасти это произошло благодаря усилиям различных общественных организаций, прежде всего специализированного Еврейского статистического общества, а также Общества охранения здоровья еврейского населения (ОЗЕ). В последнем работал один из наиболее известных демографов этого периода Вениамин Биншток. В 1915 г. он совместно с петроградским исследователем Сергеем Новосельским выпустил в Петрограде книгу «Материалы по естественному движению евреев в Европейской России за 40 лет (1867–1906 гг.)». В 1920-е годы Биншток и Новосельский продолжили сотрудничество и в сборнике «Вопросы биологии

и патологии евреев» опубликовали большую, двухчастную статью, посвященную евреям в Ленинграде: «Евреи в Ленинграде (Петербурге) 1900–1924» (1926 г.) и «Евреи в Ленинграде» (1928 г.)[1].

В 1920-е годы выходят наиболее известные работы Льва Зингера – знаменитого советского демографа, посвященные еврейской тематике. Он начинал как статистик во Всероссийском (позже Всесоюзном) Обществе ремесленного труда (ОРТ)[2] – организации, помогавшей профессиональному обучению еврейского населения. При ОРТ была организована Объединенная статистико-экономическая комиссия, где и работал Зингер. Эта комиссия в 1927–1930 гг. опубликовала пять выпусков своих «Материалов и исследований Объединенной статистико-экономической комиссии при правлении Всероссийского ОРТ», ставших классикой «еврейской» демографии в России. Особый интерес представляют первый выпуск («Еврейское население СССР: движение за время с 1897 по 1923 год и распределение по республикам и населениям». М., 1927), составленный Зингером, четвертый («Евреи в СССР: Сб. статей: По данным всесоюзной переписи 1926 г.». М., 1929) и пятый («Еврейское население СССР в таблицах и диаграммах» / Сост. Л. Зингер, Б. Энгель. М., 1930). В четвертом выпуске помещены статьи нескольких демографов, в том числе Л. Зингера, В. Бинштока и С. Новосельского, З. Миндлина и др. Кроме «Материалов и исследований» комиссия ОРТ издавала «Бюллетень Объединенной статистико-экономической комиссии при правлении Всесоюзного общества ремесленного и земледельческого труда (ОРТ)», который под различными названиями («Материалы по еврейской демографии и экономике», «Статистические материалы по еврейской демографии и экономике», «Материалы по демографии и экономическому положению еврейского населения СССР») выходил с 1928 по 1931 г. Всего за это время вышло 12 выпусков данного издания. В «Бюллетене...» публиковались работы всех известных демографов того времени, занимавшихся исследованиями, касавшимися евреев СССР. После прекращения в 1930 г. издания сборника «Вопросы биологии и патологии евреев» (одним из его редакторов был В. Биншток), выходившего с 1926 г., и окончательного закрытия в 1931 г. «Бюллетеня...» многие ученые отходят от еврейской тематики.

В 1930-е годы государство выдавало «патент» на занятия «еврейской» демографией очень небольшому числу исследователей. Фактически только московские исследователи Лев Зингер и Яков Кантор смогли продолжить полноценную работу. Зингер выпускает свой очередной труд «Еврейское население в Советском Союзе: статистико-экономический обзор» (М.; Л., 1932), в котором, кроме данных переписи 1926 г., использует статистику ОРТ. Это было поставлено ему в вину, поскольку Всесоюзное ОРТ еще в 1930 г. было слито с Обществом по землеустройству евреев-трудящихся (ОЗЕТ), а Всемирное ОРТ во время выхода книги уже считалось буржуазной организацией. В дальнейшем Зингеру приходилось всячески отмежевываться от ОРТ, особенно после окончательного разрыва отношений между СССР и Всемирным ОРТ в 1938 г. В 1934 г. Зингер выпускает работу «Национальный состав пролетариата в СССР». Она стала последним демографическим исследованием, в известной степени посвященным евреям в СССР, изданным в нашей стране на русском языке в довоенный период. В 1941 г. Зингер получил возможность опубликовать свой новый труд, но уже на идише «Дос банайте фолк» («Обновленный народ»). В нем он анализировал итоги переписи 1939 г. Интересно, что Зингеру удалось познакомиться с данными национальной принадлежности населения СССР, не вошедшими в официально опубликованные материалы переписи. В своей последней работе, изданной в 1948 г.[3] (ее, как и предыдущую, разрешили опубликовать только на идише), Л.Г. Зингер попытался проанализировать ситуацию, сложившуюся с еврейским этносом после Отечественной войны. Однако наличие целого ряда ограничений, прежде всего запрещение упоминаний о нацистской программе истребления евреев, послужило причиной того, что ему не удалось сказать здесь что-либо действительно новое по сравнению с его предыдущей книгой, вышедшей в 1941 г.

Яков Кантор занялся демографией еврейского населения в конце 1920-х годов,

когда он работал в ОЗЕТ. Наука не была для него – профессионального журналиста – основным занятием. В 1920-е годы на Украине Кантор публикует несколько работ на идише и русском, а в 1934 г. в Москве – свой самый значительный труд «Национальное строительство среди евреев в СССР», в котором резко выступил против ассимиляции евреев. В дальнейшем он был вынужден надолго прекратить свою деятельность на ниве еврейской демографии. Кантор пережил сталинские репрессии и смог продолжить свои исследования в период «оттепели», публикуя их результаты в польских журналах, выходящих на идише. Последней стала его работа, посвященная итогам переписи 1959 г. применительно к еврейскому населению СССР, опубликованная в варшавском журнале «Блетер фар гешихте» (№ 15. 1962/63). Умер Яков Кантор в 1964 г.

В 1980–1990-е годы появляется новая плеяда исследователей, занимающихся «еврейской» демографией. Прежде всего это Марк Куповецкий и Александр Синельников. Первый в многочисленных статьях, основываясь на данных переписей 1970, 1979 и 1989 гг., сумел достаточно полно осветить вопрос о численности советских евреев. Ему, как и Синельникову, в качестве одного из основных вопросов приходилось решать проблему самой методики подсчета еврейского населения в условиях, когда данные переписей не совпадали с реальным положением дел. Куповецкий предложил оригинальный выход, при котором «еврейское» население делилось на три группы: 1) собственно евреи, как правило, потомки родителей евреев, сознающие себя евреями и декларирующие себя таковыми в переписи, 2) дети и внуки евреев от смешанных браков, не декларирующие себя евреями в переписях, но имеющие, как минимум, генетические связи с еврейством – так называемые маргиналы, 3) члены семей евреев, не связанные с ними кровным родством (невестки, зятья). (Третью группу Куповецкий рассматривает как, при определенных обстоятельствах (эмиграция и т.п.), склонных к ассимиляции с евреями.) Таким образом, появляется концепция «расширенного» еврейского этноса, состоящего из евреев «реальных», «потерянных» и «потенциальных». Эта оригинальная методика позволяет решать самые разнообразные проблемы – от численности еврейского этноса в узком смысле до числа потенциальных эмигрантов в Израиль.

Первые труды по демографии еврейского населения Москвы появляются в конце XIX в. В № 6 журнала «Восход» за 1893 г. известный деятель московской еврейской общины, врач С. Вермель публикует статью «Статистические данные о движении еврейского населения Москвы за последние 20 лет». В начале XX в., как уже отмечалось ранее, выходит довольно много исследований по демографии еврейского населения в различных населенных пунктах как в «черте оседлости», так и за ее пределами. Однако специальных работ, посвященных еврейскому населению Москвы, в тот период так и не появилось. Статистическая информация о нем встречалась лишь в виде вкраплений в некоторых неспециальных изданиях.

Ситуация меняется в 1920-е годы, когда увидели свет сразу несколько исследований по демографии московского еврейства. В уже упомянутом первом выпуске первого сборника «Вопросы биологии и патологии евреев» публикуется статья Х. Брауде «Материалы по естественному движению еврейского населения в Москве за 48 лет (1870–1917 гг.)». В ней автор анализирует данные о рождаемости, смертности и брачности еврейского населения Москвы в указанный период. Особое внимание он уделяет сведениям о браках и разводах, считая, что именно они регистрировались наиболее полно.

Исследование Брауде продолжила работа Л.Г. Зингера «Еврейское население Москвы» (1930)[4], автор которой на основе переписей 1920, 1923 и 1926 гг. показывает изменения в состоянии московского еврейства в 1920-е годы. Последней заметной работой по демографии московского еврейства стала статья М.С. Куповецкого (1987)[5].

Первые сообщения о евреях в Москве относятся к XV в., когда личным врачом великого князя Ивана III был венецианский еврей Леон[6]. В последующие 150 лет

фиксируются единичные случаи пребывания евреев в столице, поскольку действовали запреты на проживание лиц иудейского вероисповедания в городе и в стране в целом.

Число евреев в Москве возрастает в период русско-польских войн 1632–1667 гг. Большинство из них составляли насильно угнанные в «полон» мирные обыватели, прежде всего жители Белоруссии. До 1659 г., когда почти все они были высланы в Сибирь, евреи проживали в Немецкой слободе, на правом берегу Яузы[7]. Позже, в 1670-е годы, евреи – выходцы из Польско-Литовского государства стали селиться в Мещанской слободе, на северной окраине города. Все они крестились, что являлось непременным условием их нахождения в Москве, и достаточно быстро ассимилировались с окружающим населением.

В XVIII в. евреев-иудеев в Москве практически не было. Исключение составляли лишь немногочисленные агенты различных торговых домов, время от времени останавливавшиеся в столице.

Лишь после первого раздела Польши в 1772 г. евреи вновь начали селиться в Москве. Первыми поселенцами стали купцы – выходцы прежде всего из Шклова, державшие в городе ряд лавок. Появляются здесь и евреи, занимавшиеся разносной торговлей по домам. Правовое положение этих переселенцев некоторое время оставалось неопределенным. В 1782 г. на запрос группы богатых шкловских евреев, можно ли купцам присоединенных в 1772 г. территорий переходить из города в город, Сенат ответил утвердительно, не указав при этом, распространяется ли это разрешение только на города Белоруссии или же касается всей территории империи[8]. Данную неопределенность некоторые купцы истолковали в благоприятном для себя смысле. В 1788–1789 гг. трое евреев записались в московское общество купцов первой гильдии. В ответ на это в начале 1790 г. московские купцы направили жалобу на имя генерал-губернатора. В ней отмечалось, что в городе евреев появилось (из-за границы и из Белоруссии) «число весьма немалое» (любопытно, что, по данным полиции, в 1790 г. в Москве проживали 69 евреев, в том числе 49 мужчин, 8 женщин и 12 детей[9]), они занимаются торговлей по домам вразнос, что запрещено законом, причем по дешевым ценам, подрывающим московскую торговлю. По сниженным ценам, по мнению купцов, торговали и евреи, имеющие лавки. Именно цены, по всей видимости, и были основной причиной жалобы. Интересно, что в то время московские купцы делали попытки удалить из города не только евреев, но и других конкурентов. Они требовали запретить торговать в столице дворянам, крестьянам, разночинцам и иностранцам. В «еврейском» случае старания купцов привели к полному успеху. Рассмотрев жалобу, правительство Екатерины II приняло решение запретить евреям селиться на постоянной основе не только в Москве, но и на всей территории Российской империи, кроме Полоцкой и Могилевской губерний, Екатеринославского наместничества и Таврической обл. Указ об этом, принятый 23 декабря 1791 г., положил начало существованию так называемой «черты оседлости»[10]. С этого времени евреи могли находиться в Москве лишь временно.

С начала XIX в. евреи, приезжавшие в город по торговым делам, останавливались главным образом в Зарядье, на территории постоялого двора, известного как Глебовское подворье. Это объясняется, вероятно, тем, что хозяева Глебовского подворья сумели организовать у себя приготовление кошерной пищи. Учитывая, что, по всей видимости, это было единственное место в Москве, где подавалась такая пища, естественно предположить, что данная «гостиница» быстро стала главным центром притяжения для евреев, прибывших в город. Так, в 1827 г. там проживали 56 из 72 приезжих евреев. В 1828 г. власти приняли решение сделать Глебовское подворье, к тому времени отошедшее казне, единственным местом в городе, где было позволено останавливаться приезжавшим евреям. Это сделали опять-таки по просьбе московских купцов, жаловавшихся на евреев и требовавших их полного удаления. На этот раз правительство не прибегло к такой крайней мере, ограничившись лишь лишением евреев права повсеместного проживания в городе. Тогда же было принято решение, согласно которому временное посещение Москвы разрешалось купцам первой и второй

гильдий, их доверенным лицам и приказчикам, а также евреям, занимающимся извозом и обучающимся некоторым видам ремесел[11]. Все они могли находиться в городе не более месяца. В 1832 г. срок проживания в Москве купцов первой и второй гильдий был увеличен до 6 мес. Тогда же право временного проживания в Москве (не более тех же 6 мес.) получили и купцы третьей гильдии. Все остальные евреи, по закону, не могли находиться в Москве ни дня.

Число евреев, временно пребывавших в Москве и являвшихся постояльцами не слишком вместительного Глебовского подворья, было уже достаточно большим. Так, в 1846 г. на подворье проживали 192 чел. Следует отметить, что в течение года количество находящихся в Москве евреев существенно менялось. В период больших весенних и осенних праздников большинство из них покидали Москву и отправлялись в родные города и местечки к своим семьям. Все остальное время Глебовское подворье было переполнено.

В первой половине XIX в. в Москве начинает формироваться и другая еврейская община – больше первой (состоявшей из временно приезжавших из «черты оседлости») и, в отличие от нее, не сгруппированная в одном месте (Глебовское подворье), а разбросанная по многим кварталам города. В 1827 г. правительство издало указ об отбывании евреями рекрутской повинности. Одно из его последствий – появление в Москве значительного количества евреев: сначала в качестве солдат расквартированных в городе частей, а затем, после выхода в отставку, в качестве членов местного мещанского сословия. В 1846 г. эта группа вместе с женами и детьми насчитывала 313 чел. (253 мужчины и 60 женщин[12]). В выборе места жительства они не были ограничены, вследствие чего селились во многих районах Москвы, отдавая предпочтение таким частям, как Лефортово, Зарядье и др. Материальное положение не позволяло подавляющему большинству этих людей жить в более престижных частях города (Тверская, Мясницкая, Сретенка, Остоженка и др.).

Условия жизни в Глебовском подворье вынуждали его обитателей бороться за отмену особого статуса этого места как единственного, где разрешалось жить приезжавшим из «черты оседлости» евреям. В 1847 г. поверенный шкловских евреев Лазарь Зельцер подал в Министерство внутренних дел записку «О претерпеваемом приезжающими в Москву евреями крайнем стеснении в том, что они обязываются останавливаться на квартире в особо отведенном для них доме»[13]. Ревизор, приехавший из Петербурга в Москву для разбора жалобы, установил, что злоупотребления со стороны московской администрации, которой принадлежал дом, «имели место» и выражались в различных поборах с приезжавших торговцев, лишенных возможности выбрать другое место пребывания. Кроме того, сама плата за право проживать в подворье была достаточно высока; люди там жили в крайнем стеснении, к тому же чиновники, управлявшие подворьем, как и рядовые его служащие, обращались с евреями крайне грубо, пользуясь их совершенным бесправием. Однако предложение закрыть подворье и разрешить евреям повсеместное жительство в Москве натолкнулось на противодействие со стороны московского генерал-губернатора графа Закревского и не было принято.

Только после прихода к власти Александра II особый статус подворья, наконец, упразднили (5 июня 1856 г.[14]). К этому времени основную массу проживавших в Москве евреев составляли, кроме действующих и отставных солдат, купцы всех трех гильдий, которые могли останавливаться в столице на срок не более 6 мес., а также члены их семей и приказчики. В дальнейшем число евреев в Москве начинает быстро увеличиваться, чему способствовало снятие ограничений на проживание для ряда групп. Так, в 1859 г. были сняты административные ограничения на право жительства вне «черты оседлости» для купцов первой гильдии, в 1861 г. – для лиц, имевших ученую степень, в 1865 г. – для ремесленников, в 1878 г. – для обладателей высшего образования. В 1860-е годы происходит первый крупный приток евреев в Москву, в результате чего к началу 1870-х годов их число здесь достигает 8000 чел.[15] Однако городская перепись, проведенная в 1871 г., зарегистрировала всего лишь около

5800 евреев[16]. Тем не менее есть основания предполагать, что реальное их число несколько превышало официально зарегистрированное. Такое положение сохранялось и впоследствии. Основную массу нелегальных мигрантов составляли, видимо, мелкие торговцы, не имевшие возможности проживать в Москве на законных основаниях. Большинство евреев, приезжавших в Москву в то время, как и в предыдущий период, составляли выходцы из Белоруссии и Литвы.

Приток в Москву мигрантов-евреев в 1860-е годы сопровождался существенными переменами в их расселении в столице. Большинство вновь прибывших оседали в Зарядье (район, заселенный в основном ремесленниками и к тому же бывший местом традиционного поселения евреев). Однако в это время и малоимущие, и евреи среднего достатка начинают селиться в других районах как в центре столицы, так и на ее окраинах. В Пятницкой и Якиманской частях селились главным образом ремесленники и отставные николаевские солдаты. Они же составляли основу еврейского населения в Лефортово. В более бедных, окраинных районах, таких как Марьина Роща, останавливались прежде всего нелегальные иммигранты из «черты оседлости». Это было вызвано тем, что здесь оказывалось легче укрыться от надзора полиции. На окраинах еврейское население особенно заметно увеличивается с конца 1870-х годов. Так, в 1880-х годах построенные «Шереметьевским поземельным обществом» в Марьиной Роще деревянные дома вскоре были заселены ремесленниками и мелким торговым людом[17], в том числе и евреями.

В это время растет число евреев и в прилегающих к Москве местностях. В дореформенном 1858 г. численность евреев в городских поселениях Московской губ. (без Москвы) составляла 444 чел. В 1880 г. их количество достигло 782 в городских поселениях и 193 чел. в сельских[18]. К этому количеству следует добавить определенное число людей, находившихся там нелегально. Большинство евреев проживали в ближайших к Москве уездах. Что же касается остальной части губернии, то еврейское население здесь было немногочисленно и рассеяно. Небольшие общины существовали лишь в Серпухове и Богородске. За исключением нескольких богатых людей, предпочитавших постоянно жить за городом, и купцов, вынужденных по делам останавливаться в промышленных и сельскохозяйственных районах губернии, все остальные подмосковные евреи – небогатые ремесленники и торговцы. Они либо пытались заработать на хлеб мелкой торговлей в деревнях, либо попросту не имели возможности жить в Москве по экономическим или административным причинам. Эти люди селились, как правило, в населенных пунктах, расположенных вдоль трактов и железных дорог, откуда было легко добираться в Москву и где существовала возможность удачной торговли благодаря большому числу проезжающих. Одним из таких мест была расположенная у линии нижегородской железной дороги Салтыковка, где в 1879 г. возникла еврейская община[19].

В период с 1871 по 1891 г. еврейское население Москвы еще более увеличивается. Если в 1871 г. здесь проживало приблизительно 8000 евреев, в 1882 г. около 18 000, то в 1891 г. – 35 000. Основную массу прибывавших составляли ремесленники, торговцы, служащие и т.п. В 1871 г. они вместе составляли 71,5% всего еврейского населения города, в 1882 г. их доля увеличилась до 77,7, а в 1891 г. (по оценочным данным) – до 86%. Еврейские ремесленники в Москве – это прежде всего сапожники, портные, скорняки. Значительной была группа, в которую входили приказчики, делопроизводители, фельдшеры, зубные врачи. Большую часть торговцев составляли коробейники и старьевщики. Второй по численности группой евреев были отставные нижние чины (около 15% в 1882 г., 5,1% в 1891 г.). В начале 1890-х годов на второе место выходят купцы (12% в 1871 г., 5,9% в 1882 г., 6,2% в 1891 г.)[20].

Главным районом поселения евреев оставалась Городская часть (в основном Зарядье), однако удельный вес ее еврейского населения по отношению ко всему еврейскому населению Москвы постоянно сокращался. Если в 1864 г. в Городской части проживало около 44,2% всех евреев, то в 1871 г. данный процент снизился до 34,4, а к 1882 г. до 24,1[21]. Это объяснялось тем, что состоятельные еврейские ремесленники и

торговцы стремились покинуть скромное Зарядье и переехать в более богатые районы Москвы. Постепенно увеличивается еврейское население Мясницкой и Сретенской частей города. В то же время за счет вновь прибывающих стало больше евреев в Пятницкой части, где к 1882 г. они составили почти 10% от всего еврейского населения (в 1864 г. – 6,8%, в 1871 г. – 3,5%)[22]. Основной тенденцией движения еврейского населения внутри города было перемещение из бедных районов в более богатые. Так, если в 1864 г. в бедных частях города (Городская, Лефортовская, Пятницкая, Якиманская, Мещанская, Басманная и Сущевская) проживало до 85% евреев, а в более богатых (Мясницкая, Сретенская, Тверская, Арбатская, Яузская и Пречистенская) только около 15%, то в 1871 г. это соотношение было иным – 51% в первом случае и 43% во втором, а в 1882 г. соответственно 51,6% и 42%[23].

Можно сказать, что средний уровень материального благосостояния евреев в Москве в тот период постоянно растет. Даже приток небогатых мигрантов из «черты оседлости» не мог серьезно повлиять на общегородскую картину его роста. Отношение к евреям со стороны властей было достаточно сложным. Неоднократно производились попытки сократить еврейское население и даже полностью от него избавиться. В 1882 г. его выселение удалось предотвратить только благодаря ходатайству московских купцов и фабрикантов, опасавшихся, что с уходом евреев выгодный рынок сбыта в «черте оседлости» может быть потерян. Однако в 1891 г. ситуация для евреев резко ухудшилась. Назначенный московским генерал-губернатором великий князь Сергей Александрович с первого же дня своего вступления в должность поставил целью «оградить Москву от евреев». Уже 28 марта 1891 г. было опубликовано высочайшее повеление о выселении из Москвы и Московской губ. евреев-ремесленников и запрещении таковым впредь селиться в столице. 15 октября 1892 г. это решение было распространено на отставных николаевских солдат, за исключением приписанных к московским мещанским обществам, и членов их семей. Запрещалась приписка к таковым обществам новых членов-евреев. Приписанным же к мещанским обществам других внутренних губерний разрешалось только временное пребывание в Москве.

Сразу вслед за принятием этих постановлений началось массовое выселение евреев из столицы. В 1891–1893 гг. из нее были выдворены почти 20 000 чел.[24] Неимущих отправляли в «черту оседлости» по этапу, причем перед этим многих помещали в пересыльную тюрьму, где они содержались наравне с уголовными преступниками. Тяжелые условия содержания в тюрьме и во время отправки по этапу привели к смерти многих людей. Некоторые пытались скрываться, в частности, на окраинах, где контроль был значительно слабее. Лицам, оказавшим помощь в поимке незаконно находящихся в Москве евреев, администрация обещала денежные премии. На улицах полиция могла остановить любого человека, сколько-нибудь похожего на еврея с целью проверки его права на пребывание в городе. Ряд полицейских именно поимку евреев считал своей основной задачей во время несения службы.

Одновременно с принятием ограничительных постановлений начались гонения и на еврейские религиозные учреждения. Новое здание хоральной синагоги, открытое в 1891 г., 23 июня 1892 г. было закрыто как незаконно открытое. После того как Ш. Минор (казенный раввин Москвы в 1869–1892 гг.) и староста хоральной синагоги И. Шнейдер подали прошение об открытии синагоги, их выслали из города с запрещением когда-либо проживать за пределами «черты оседлости». Синагогу вновь открыли только 1 июня 1906 г. Вместе с хоральной были закрыты еще девять синагог и молельных домов в разных районах Москвы. Эти события в корне изменили положение еврейской общины. Сокращение числа евреев-мещан привело к упадку религиозной жизни и нарушению преемственности традиции, принесенной ими еще из «черты оседлости». По оценочным данным, доля ремесленников в еврейском населении Москвы сократилась с 86% в 1891 г. до 37,9% в 1897 г., при этом бóльшая часть из них оставалась в городе незаконно. Доля же других групп, наоборот, возросла. Так, количество купцов выросло до 25,6% от всего еврейского населения (6,2% в 1891 г.). Численность отставных солдат и их потомков составила 25% (5,1% в 1891 г.). Резко

увеличился удельный вес лиц с высшим образованием. Если в 1891 г. они составляли только 2% от всех евреев города, то в 1897 уже 11%[25]. Общее же число евреев, проживавших в Москве, согласно первой всероссийской переписи населения 1897 г., превышало 8000 чел.[26]

Изменения, происшедшие в московской еврейской общине, привели к затуханию жизни районных общин, состоявших в основном из небогатых людей, не имевших желания и необходимости отказываться от образа жизни, который они вели в местах своего прежнего проживания. Больше общин сохранилось на окраинах и в ближайших к городу местностях Московской губ., где осело много евреев, пребывавших в Москве нелегально. В этих местах по-прежнему существовали молельни и другие традиционные общинные учреждения. Именно еврейское население этих мест вольно или невольно стало оплотом тех кругов, которые не стремились к аккультурации и ассимиляции. Здесь жило множество хасидов, главным образом любавических, встречались и сторонники различных еврейских политических партий (от Бунда до сионистов). В целом же в городе соотношение сил, безусловно, изменилось в пользу групп, настроенных на сотрудничество с окружающей иноязычной и инокультурной средой. Основу этих групп составляли купцы, люди с высшим образованием, а также отставные солдаты и их потомки. Семьи последних жили в Москве уже не один десяток лет. Наглядно иллюстрируют картину аккультурации данные о родном языке московского еврейства, полученные в разные годы. Так, в 1871 г. 96,7% проживавших в Москве евреев назвали своим родным языком идиш и лишь 3,3% – русский и другие языки. В 1882 г. эти цифры меняются соответственно на 80,2 и 19,8%. В 1897 г. они составляют уже 60,7 и 39,3%[27]. Причинами таких изменений, кроме выселения консервативных в языковом плане бедных евреев, были также получение подавляющим большинством уроженцев Москвы (особенно в состоятельных семьях) образования на русском языке, дисперсность расселения евреев в городе, постепенный отход многих из них от религии. В 1899 г. были приняты очередные законодательные акты, имевшие целью сократить число евреев в Москве. Отныне для того чтобы приписаться к московскому «первогильдейному» купечеству, требовалось предварительное разрешение министра финансов и московского генерал-губернатора. Кроме того, даже евреи, приписавшиеся таким способом, могли проживать в Москве только со своими женами, неженатыми сыновьями и незамужними дочерьми. Всем другим их родственникам: взрослым детям, имевшим собственные семьи, братьям и другим, которые ранее имели право жить в столице вместе с ними, теперь предстояло приписываться самостоятельно. Несмотря на это новое ограничение, которое, по замыслу его создателей, должно было практически закрыть доступ в город новым представителям этой группы еврейского населения, численность евреев в Москве постепенно возросла. По данным однодневной переписи населения 1902 г., в столице и пригородах проживало 9333 еврея, из них в самом городе – 9048, а в пригородах – 295 чел.[28] В Москве идиш признали родным языком 49% евреев, русский и другие языки – 51%[29]. В пригородах идиш был родным языком для 73%, русский и другие языки – для 27% еврейского населения[30]. При этом не следует забывать, что большое число евреев в Москве и особенно в пригородах составляли нелегально проживавшие. В связи с этим можно сделать вывод, что реальное число людей, разговорным языком которых являлся идиш, было несколько выше, по крайней мере, на окраинах и за пределами городской черты.

Революция 1905–1907 гг. и сопутствовавшая ей некоторая либерализация общественной жизни сделали возможным новый приток евреев в Москву. К 1912 г. число евреев в столице увеличилось до 15 000 чел.[31] Многие из вновь приехавших имели высшее образование, некоторые другие принадлежали к среднему медперсоналу (фармацевты, фельдшера и повивальные бабки), которому также был разрешен въезд в Москву. Миграция большого количества людей, имевших светское образование и, следовательно, свободно владевших русским и/или другими европейскими языками, привела к еще большему изменению языкового баланса не в пользу идиша. В 1912 г.

его считали родным только 44,6% московских евреев, в то время как 55,4% считали таковым русский язык[32].

Первая мировая война привела к существенным переменам в жизни евреев. В результате военных действий в местах их проживания и массовых выселений из прифронтовой полосы огромное количество беженцев хлынуло на восток. Центральные области России впервые в своей истории столкнулись с таким большим числом евреев, многие из которых не знали русского языка и были чужды русским по своему облику и поведению. Многие из них прибыли в Москву. Наплыв такого количества евреев – носителей традиционного мировоззрения – заметно сказался на общинной жизни в городе: открылись новые молельные дома, главным образом на квартирах; в пригороде Богородское (ныне район станции метро «Улица Подбельского») была создана иешива. В числе беженцев в Москву прибыли видные раввины, разного рода специалисты в обрядовой сфере. Следует, однако, заметить, что Москва являлась в значительной степени промежуточным пунктом на пути из «черты оседлости» во внутренние губернии России. (Ведь она, как и Петроград, была по-прежнему закрыта для евреев, несмотря на фактическую ликвидацию «черты оседлости».) Те евреи, которые все-таки решались задержаться в городе, старались останавливаться в пригородах, где контроль властей был, как всегда, несколько меньшим.

Окончательная ликвидация «черты оседлости» (после Февральской революции 1917 г.) открыла для евреев возможность проживать в Москве, не опасаясь выселения. Уже в 1917 г. происходит резкое увеличение численности еврейского населения в городе (к концу года она достигла 60 000 чел.[33]). Подавляющее большинство евреев составляли недавние выходцы из «черты оседлости».

Гражданская война привела к значительному оттоку населения из Москвы. К 1920 г. общая его численность сократилась почти в 2 раза. Количество евреев также значительно уменьшилось, составив в 1920 г. около 28 000 чел.[34] (2,7% населения города). Однако уже с 1921 г. начинается новый приток евреев в Москву. Это было вызвано разными факторами: окончание гражданской войны, начало новой экономической политики, разруха на территории бывшей «черты оседлости», желание молодежи из городов и местечек воспользоваться новыми возможностями, которые предоставляла столица. В 1923 г. еврейское население Москвы уже достигло 86 000 чел., т.е. за два года оно увеличилось практически в 3 раза. Увеличилась доля евреев и среди всего населения города: теперь она равнялась 5,6%. На территории Московской губ., за пределами Москвы, проживало почти 2000 евреев[35]. К 1926 г. число евреев еще более возросло, составив 131 244 чел. в Москве и 11 124 чел. в губернии[36]. В Москве евреи составляли 6,5% всего населения, в губернии – 0,4%. За три года еврейское население возросло почти на 45 000 чел., или в 1,5 раза, в Москве и на 9 000 чел., или в 5,5 раз, в губернии. (Общее население Москвы увеличилось всего в 1,3 раза, с 1 511 000 в 1923 г. до 2 025 000 в 1926 г.) Несмотря на некоторое сокращение роста численности евреев в Москве в середине 1920-х годов, он оставался самым высоким среди еврейского населения СССР. Значительную часть мигрантов составляли молодые люди, средний возраст которых колебался между 20-ю и 30-ю годами. В 1926 г. 16,7% еврейского населения Москвы составляли люди от 25 до 29 лет, а 13,8% – молодежь от 20 до 24 лет, что превышало показатели по данным возрастным группам среди евреев Украины (10,4% и 11,1% соответственно) и Белоруссии (8,9% и 10,0%). В то же время в Москве возрастные группы от 0 до 20 лет составляли только 27,9% еврейского населения, тогда как на Украине эта цифра равнялась 40,9%, а в Белоруссии 44,6%. Среди общего населения Москвы, например, группа людей в возрасте от 25 до 29 лет составляла 13,4%[37].

Московские евреи отличались высоким уровнем грамотности. В 1926 г. грамотными были 86,6% еврейского населения Москвы[38]. Эта цифра значительно превышала аналогичные данные как по населению Москвы в целом (75% грамотных), так и по еврейскому населению Украины (70%) и Белоруссии (68,8%)[39]. Следует отметить, что большинство евреев Москвы были грамотны и владели русским языком. Из 131 244

Таблица 1

Социальный состав еврейского населения Москвы, Украины, Белоруссии, а также всего самодеятельного населения Москвы (по данным переписи 1926 г.), %

Социальное положение	Все население Москвы	Еврейское население Москвы	Еврейское население Украины	Еврейское население Белоруссии
Рабочие	27	8,3	15,2	16,7
Служащие	36,5	50,2	20,6	16,9
Кустари	5,2	9,2	20	16,9
Торговцы	2,2	4,9	13,2	10,2
Лица свободных профессий	0,6	2,2	1,6	0,8
Крестьяне	0	0	9,8	13,2
Безработные	12	14,5	8,9	6,8
Прочие (в том числе лица без определенных занятий)	16,5	10,7	10,8	13,1

евреев города только 44 965, или 34,2% назвали своим родным языком идиш, но из 113 703 грамотных только 26 925, или 23,6% владели идишем[40] (на Украине – 60,7%, в Белоруссии – 81,4%)[41].

Думается, что в Москву ехали наиболее работоспособные и грамотные представители еврейского населения бывшей «черты оседлости», которые могли на что-то надеяться в столице. Сравнительно высокий образовательный уровень позволил многим из них занять соответствующее положение в социальной структуре города. В 1926 г. в Москве насчитывалось 70 548 самодеятельных (имеющих самостоятельный источник дохода) евреев[42]. Наглядное представление о социальной структуре дает табл. 1.

Многие мигранты ехали в Москву в одиночку или с супругом/супругой, но без детей. Средний коэффициент семейности московских евреев составлял 1,86, т.е. он был гораздо ниже, чем у евреев в бывшей «черте оседлости»[43]. Сравнительно молодой возраст, отсутствие семьи, образованность и особенности занятости мигрантов, а также общая ситуация в стране (в том числе борьба с религией) обусловили ослабление преемственности религиозной традиции. Этому способствовал и отход от религии на территории бывшей «черты оседлости», происходивший в 1920-е годы. Молодые люди, даже успевшие получить традиционное образование, стремились реализовать себя, уйдя из привычного им мира еврейского местечка. Они видели возможность бегства от нищеты и убожества в переезде в большие города, в поступлении в высшие учебные заведения, в работе на пользу советской власти, искренними сторонниками которой многие из них являлись. Именно молодые люди, оказываясь в столице, раньше всех окончательно порывали с традицией и не принимали никакого участия в еврейской общинной жизни.

Даже те евреи, кто не «программировал» ускоренный отказ от религии, попадая в Москву или другой крупный город, быстро отходили от нее, не имея возможности, а часто и желания вести традиционный образ жизни. В особенности это касалось людей, занятых на государственных предприятиях, график работы которых, как правило, не позволял соблюдать шаббат и праздники. Кроме того, в 1926 г. в Москве около 49% из 35 338 служащих-евреев составляли служащие учреждений, причем 5,6%, или 1982 чел. из них были руководителями учреждений, 8,3% являлись культурно-просветительскими работниками и 2,4% всех служащих-евреев – руководящими работниками в промышленности[44]. Следует заметить, что даже в 1920-е годы, когда власть по

отношению к иудаизму вела себя достаточно либерально, занимать высокий в пост в государственном аппарате и одновременно вести традиционный образ жизни было практически невозможно.

Еще одной причиной несоблюдения евреями традиций была дисперсность расселения их в городе. Общее число жителей в Москве резко упало во время гражданской войны, однако уже к 1923 г. оно увеличилось в 1,5 раза, достигнув 1 542 000 чел. (в 1920 – 1 027 000 чел.). Это вызвало жилищный кризис, усугублявшийся по мере дальнейшего увеличения численности жителей в городе. Прибывавшие в Москву евреи расселялись по всему городу, хотя и старались отдавать предпочтение тем местам, где традиционно существовало еврейское население. В центре столицы это были районы улиц Тверской, Мясницкой, Сретенки, Солянки, Арбата, Большой и Малой Бронной. Но здесь удавалось поселиться только тем, кто имел родственников или земляков, живших в этих местах ранее. Тем же, у кого не было возможности воспользоваться помощью родственников, приходилось снимать жилплощадь, жить в общежитиях, рассчитывать на получение жилья от предприятий и учреждений. При этом даже тот, кто приезжал к землякам и оказывался в среде, знакомой ему еще по прежнему месту жительства на территории бывшей «черты оседлости», далеко не всегда вел традиционный образ жизни; тем более это касалось тех, кто попадал в совершенно новую для себя обстановку, нееврейское окружение и/или окружение оторвавшихся от традиции, уже «аккультурированных» евреев.

Из всех социальных групп наиболее склонными к сохранению традиционного образа жизни были кустари и торговцы. В отличие от других групп еврейского населения основным мотивом их переезда в Москву было не стремление уйти от убогого местечкового мира в мир большого города, порвать с привычным бытом и пр., а причины сугубо экономического характера. Еще задолго до революции сокровенным желанием многих еврейских ремесленников и торговцев был выход на новые рынки за пределами «черты оседлости», где не существовало такой конкуренции, как в местах их проживания. В начале 1920-х годов к этому добавились тяготы, поразившие еврейские города и местечки во время Первой мировой и гражданской войн: сокращение числа жителей вследствие мобилизаций, военных действий, погромов и в результате – разрушение экономической жизни и последовавшее за этим разорение многих еврейских семейств.

Следует заметить, что кустари и торговцы до революции составляли очень значительную прослойку населения на территории бывшей «черты оседлости». Даже в 1920-е годы на долю кустарей приходилось 20% самодеятельных евреев на Украине и 22,3% в Белоруссии, а на долю торговцев соответственно 13,2% и 10,2%[45]. Представители этих социальных слоев, как правило, переезжали в Москву целыми семьями и селились там, где уже имелось какое-то количество евреев, предпочитая места, где жили их родственники или земляки. Многие из них поселялись на окраинах и в пригородах столицы: там были более благоприятные условия для их деятельности, устроиться было легче, а жить дешевле, чем в Москве. Традиционно сложилось так, что евреи отдавали предпочтение северным окраинам города. Тенденция развития города в XIX – начале XX в. предполагала движение именно в северном направлении. Ранее тихие пригороды, типа Марьиной Рощи, сел Алексеевского, Ростокина, Останкина, Петровско-Разумовского превратились в окраины Москвы, населенные в основном ремесленниками, людьми, занимавшимися извозом, и другими представителями небогатых слоев населения. В селах жило много крестьян, однако в большинстве своем они отошли от сельского хозяйства и переориентировались на занятия, связанные с удовлетворением запросов городской экономики. Эти места очень долго сохраняли сельский характер своей застройки, состоявшей из частных одноэтажных деревянных домов.

Кроме северного, существовало и другое направление, где располагались ремесленные слободы, населенные большим количеством евреев, – северо-восточное (Сокольники, Богородское и Черкизово). Эти места, как и северные окраины, были районами

традиционного расселения ремесленников, там жило много евреев и, кроме того, оттуда было сравнительно недалеко от центра города. В 1920-е годы численность еврейского населения растет как в традиционных районах его проживания, таких как Марьина Роща, Черкизово, Всехсвятское, так и в местностях, где до революции жило мало евреев или их там не было совсем. На окраинах это прежде всего Останкино, Ростокино, Петровско-Разумовское и др. В пригородах же это в основном дачные поселки. Их масштабное строительство началось в конце XIX – начале XX в. Как правило, они располагались в непосредственной близости от железных дорог, что было важным условием для удачной продажи участков.

Поселки обрастали инфраструктурой, в них появлялись гимназии, библиотеки, почтово-телеграфные отделения, аптеки, парикмахерские, магазины, театры и т.д.[46] Многие поселки быстро разрастались. Так, дачный поселок Лосиноостровский, основанный в 1898 г. в районе платформы «10-я верста» только что построенной Ярославской железной дороги, уже к 1911 г. насчитывал 433 дачевладения с 736 жилыми строениями и 6033 жителями[47]. После революции население поселков еще более увеличилось. В 1926 г. число жителей того же Лосиноостровского достигает уже 15 600 чел.; в Малаховке, основанной в 1890-е годы на территории имения Соколово-Малахово, проживало 4600 чел. Население Перловки, строительство которой началось в 1909 г., в 1926 г. составило уже 3500 чел.[48] Отдельные дачные поселки, население которых достигло наиболее значительных размеров, такие, например, как Лосиноостровский, в начале 1920-х годов получили статус города.

Еврейское население появляется в поселках практически сразу после их основания и значительно увеличивается во время Первой мировой войны и в 1920-е годы. Евреев привлекали близость и удобство сообщения с Москвой; кроме того, найти здесь свободное жилье было легче, чем в городе.

Дачевладельцев-евреев в тот период было немного. Еврейские поселенцы главным образом арендовали комнаты и отдельные жилые помещения на дачных участках. Большинство домов в этих поселках были приспособлены для зимнего проживания, поэтому многие владельцы и арендаторы жили там круглый год. Еврейское население дачных поселков быстро росло. В 1926 г. в Лосиноостровском, ставшем к тому времени городом, оно составило 1680 чел. (наибольшее количество евреев среди населенных пунктов Московской губ.), в Малаховке – 805, в Кусково – 680, в Перловке – 480, в Вешняках – 350 чел.[49]

Социальный состав еврейского населения дачных поселков был в целом схож с тем, который имелся на окраинах Москвы в ремесленных слободах. Как и там, кустари и торговцы являлись здесь очень заметной группой, хотя в поселках имелось и некоторое количество представителей других групп, например, служащих. Кроме дачных поселков евреи селились еще в некоторых подмосковных населенных пунктах. Наиболее заметные в численном отношении группы образовались в городах Перово – 460 чел. и Кунцево – 440 чел.[50] Перово, близлежащий пос. Новогиреево (180 человек[51]) и г. Кусково составляли район с довольно значительным еврейским населением. Вместе с поселками Малаховка, Михельсон, Вешняки, Томилино, Красково, Быково, Удельная, Кратово, Салтыковка, Новосокольники и другими он образовывал восточное направление еврейского расселения в пригородах Москвы. Это направление, как и более крупное в численном отношении северное, куда входили северные окраины Москвы, города Лосиноостровский и Мытищи, поселки Перловка, Тайнинка и Мамонтовка, а также пос. Клязьма и г. Пушкино, где заметные по численности еврейские общины появляются позднее, были местностью, где проживали наиболее традиционные группы еврейского населения, сохранявшие многие особенности быта, вынесенного из прежних мест проживания на территории бывшей «черты оседлости».

Кроме двух названных направлений расселения евреев в пригородах Москвы имелись и другие, уступавшие им в численности еврейского населения, но где также имелись пункты, в которых велась достаточно активная еврейская общинная жизнь. Это прежде всего уже упоминавшееся северо-восточное направление, практически не

выходившее за границы Москвы и включавшее такие ее районы, как Черкизово, Богородское и Сокольники. Кроме того, существовало северо-западное направление, куда входили московские районы Коптево и Всехсвятское, а также г. Тушино, поселки Покровское-Глебово, Покровское-Стрешнево, Химки, Ховрино, Никольский и др. Из названных населенных пунктов в 1920-е годы сколько-нибудь заметная еврейская общинная жизнь отмечается лишь во Всехсвятском, Коптево, Покровское-Глебово и Химках, где евреев было больше, чем в других населенных пункта. В дальнейшем численность еврейского населения там увеличивается, однако северо-западное направление продолжает играть второстепенную роль, уступая северному и восточному направлениям в количестве евреев и в интенсивности общинной жизни. То же можно сказать и о западном направлении, куда относятся г. Кунцево, пос. Немчиновка, села Фили, Ново-Ивановское, Давыдково и др.

Естественно, далеко не все еврейское население окраин и пригородов Москвы было настроено на сохранение традиции, однако в целом доля таких людей в этих местах оказывалась выше, чем в Москве. Об этом можно судить хотя бы по данным о родном языке евреев, там живших. В 1926 г. своим родным языком идиш признали 56% евреев Лосиноостровского, 40 евреев в Малаховке, 73,8 в Кусково, 62,9 в Перловке, 63,9 в Перово, 46 в Кунцево и 55% в Вешняках[52].

Массовая миграция евреев с территории бывшей «черты оседлости», присущая началу 1920-х годов, продолжалась и в последующие годы, в том числе в начале 1930-х годов. Наибольшее число мигрантов по-прежнему были выходцами с Украины. Количество евреев–уроженцев Белоруссии и других регионов – уступало им в несколько раз[53]. В этот период значительную часть прибывавших в Москву евреев составляли так называемые лишенцы – бывшие нэпманы, служители культа и т.п. Многие из них приезжали, чтобы затеряться в большом городе; они старались скрыть свое происхождение и для этого прибегали к различным средствам, вплоть до перемены имени и фамилии. Второй крупной группой после лишенцев являлись молодые люди, обычно малосемейные или одиночки, приезжавшие в Москву с целью получения образования или устройства на работу. Эти люди, как правило, уже почти полностью порвали с религией и традицией, как и подавляющее большинство еврейских мигрантов того периода в целом. Даже те, кто не хотел совсем отказываться от иудаизма, в 1930-е годы вынуждены были всячески демонстрировать свою полную индифферентность к нему. Лишь немногие из этих переселенцев, в основном хасиды Хабада, сохраняли, по возможности, верность традиционному образу жизни.

Окончание эпохи НЭПа привело к закрытию всех частных предприятий, значительной части артелей; подавляющее большинство мелких ремесленников и торговцев также вынуждены были свернуть свою деятельность. В 1930-е годы лишь немногие «некооперированные» кустари продолжали свою работу, которая становилась невыгодной ввиду значительных налогов. Некоторые шли в ремесленные артели, где повседневный контроль властей был менее жестким, чем на государственных предприятиях. Сохранялись еще артели, где большинство работавших составляли верующие евреи, которые могли, трудясь там, соблюдать шаббат и праздники (такие артели существовали, например, в Егорьевске и д. Ямская слобода Можайского р-на Московской обл.).

Однако большая часть евреев шла на работу в государственные учреждения и предприятия, которые предоставляли большинство рабочих мест в Москве и Подмосковье. Многие при этом отдавали предпочтение предприятиям торговли и работе в различных подразделениях партийного и государственного аппарата. Расселение евреев внутри Москвы стало еще более дисперсным, чем в предыдущий период, что было вызвано растущим жилищным кризисом, который вынуждал людей, только что приехавших в город, останавливаться там, где имелась хотя бы малейшая возможность для этого. Проживать у родственников длительное время оказывалось невозможно, так как последние, как правило, сами были вынуждены тесниться в коммунальных квартирах. Несколько иная ситуация наблюдалась на окраинах и в приго-

родах Москвы, где достаточно много людей проживали в собственных домах и поэтому там приехавшим легче было устроиться на длительное время у родственников или знакомых. Те же, у кого таковых в столице не имелось, могли снять здесь комнату или даже отдельный дом или дачу. Население пригородов еще более возросло в 1933 г., после введения института прописки, сделавшего доступ в Москву крайне ограниченным и нормированным.

В 1933 г. в Москве проживало около 225 000 евреев, что составляло 6,6 % населения города. Таким образом, в 1926–1933 гг. еврейское население увеличилось на 92 000 чел. В следующие четыре года оно увеличилось всего на 10 000 чел., достигнув в 1937 г. 235 000 человек, или 6,2% населения Москвы. К 1939 г. еврейское население Москвы достигло 250 000 чел., общее население города – 4 182 000 чел.[54] (в 1926 г. – 2 017 000 чел.).

Бóльшая часть евреев в 1930-е годы проживала на севере города. Так, их численность в Ростокинском р-не составляла 24 000 чел., в Дзержинском, где располагалась Марьино-Рощинская синагога, – 18 200, в Октябрьском – 10 800 чел. Достаточно много евреев проживали на западе и юго-западе города. В Киевском р-не, где находилось Дорогомиловское еврейское кладбище, их численность составляла 21 300 чел., в Краснопресненском, на территории которого располагалась синагога на Большой Бронной, д. 6 – 12 100 чел., в Ленинградском – 8400 чел. В центре города наибольшее количество евреев проживало в Советском р-не – 21 100 чел., далее шли Свердловский (15 700), Куйбышевский (11 300), Коминтерновский (9200), Красногвардейский (8800), Кировский (6300), Молотовский (3400 чел.) районы. Меньше всего евреев проживало в восточных районах Москвы: в Сталинском (6500), в Первомайском (5400), в Таганском (7400), в Пролетарском (4100 чел.)[55].

В целом картина расселения евреев в Москве в конце 1930-х годов сохраняла черты, наметившиеся еще до революции и в 1920-е годы. В центре города наибольшее количество евреев проживало в районе Тверских и Бронных улиц, не меньшее число – в традиционных местах их поселения на севере столицы – в Марьиной Роще, Ростокино, Алексеевском и Останкино. Районы на востоке города, население которых в 1930-е годы сильно увеличивается, не пользовались популярностью у евреев. Это объясняется особенностями структуры занятости евреев. Количество рабочих среди них было относительно невелико, а именно рабочие имели наибольшую возможность получить жилье на востоке города, где находилось много крупных заводов. Учитывая, что значительную часть жилых строений в таких районах составляли бараки, снять здесь квартиру или комнату было достаточно трудно.

Еврейское население в Московской обл. в 1930-е годы выросло намного больше, чем в самой столице, составив в 1939 г. более 53 000 чел.[56], что в 4,8 раза или на 381% больше, чем его численность в 1926 г., составлявшая тогда около 11 000 чел. Существенно расширилась география населенных пунктов, где проживали евреи. Теперь они селились в таких отдаленных районах, как Шатурский, Озерский, Зарайский, Каширский, Коробовский и др.[57] При этом большинство евреев по-прежнему проживали в непосредственной близости от Москвы. Здесь также произошли изменения, выразившиеся в значительном увеличении еврейского населения в городах, что, видимо, связано с общим их ростом в результате индустриализации. Количество евреев в дачных поселках росло гораздо медленнее. К концу 1930-х годов эти поселки уже достаточно серьезно уступали городам по числу еврейских жителей.

«Лидером» по численности еврейского населения по-прежнему остается Лосиноостровск, где в 1939 г. проживало 4700 евреев[58], т. е. в 2,7 раза больше, чем в 1926 г. При этом общее население города увеличилось в 4,5 раза – с 15 500 чел. в 1926 г. до почти 71 000 в 1939 г.[59] На второе место по численности еврейского населения в Московской обл. переместилось Перово, где в 1939 г. проживало чуть менее 4100 евреев[60], или в 8,9 раза больше, чем в 1926 г. Третье место заняли Мытищи, где в 1926 г. было всего 69 евреев[61]. К 1939 г. их количество резко увеличилось и достигло 2800 чел.[62] Много евреев проживало в Кунцево – 2370 чел.[63] Что касается дачных

поселков, то наиболее крупная еврейская община была в Малаховке, где проживало 1660 евреев, при населении в 16 300 чел.[64] И хотя по абсолютной численности евреев Малаховка занимала только пятое место среди населенных пунктов Московской обл., процент евреев среди общего населения здесь был самым высоким – 10,2. В других местах он редко превышал 6%. Кроме Малаховки крупные еврейские общины имелись также в Перово-Поле – 784 чел., Вешняках – 744, Клязьме – 730, Салтыковке – 712, Томилине – 696 чел.[65]

В начале Великой Отечественной войны большое количество евреев покидает Москву. Общее население города сокращается в 2 раза – с 4 333 700 в 1940 г. до 2 126 000 в конце 1941 г.[66] Есть основание предполагать, что число еврейского населения сокращается в сходной пропорции. Уже в 1942 г. начинается обратный приток людей в город, но довоенная численность населения восстанавливается только к 1950 г. Что же касается евреев, то их численность восстановилась еще позже. Это было вызвано огромными потерями, которое понесло еврейское население в годы войны, и значительным сокращением в результате этого миграции еврейского населения в Москву. С начала 1950-х годов такая миграция перестает играть сколько-нибудь значительную роль. Отныне еврейское население Москвы растет прежде всего за счет естественного прироста, который был весьма незначительным. Дети от смешанных браков, как правило, идентифицировали себя с нееврейской национальностью. В 1959 г. число евреев в Москве составляет 239 246 чел., что было несколько меньше показателя 1939 г. и составляло 4,7% населения города[67]. Однако еврейское население многих городов Московской обл. увеличивается. Так, в г. Бабушкин (Лосиноостровский) проживало 5117 евреев (108% от предвоенной численности)[68].

Интересно проследить динамику изменений численности еврейского населения в тех городах Московской обл., где не имелось больших еврейских общин, но которые тем не менее были довольно крупными и быстро растущими экономическими центрами. Так, в Балашихе в 1939 г. проживало 259 евреев, а в 1959 г. уже 516, в Жуковском соответственно 80 и 558, в Раменском – 212 и 465, в Железнодорожном – 104 и 366, в Щелково – 257 и 313, в Одинцово – 283 и 316 евреев. Как мы видим, в большинстве этих городов за 20 лет еврейское население выросло в два и более раза, что объясняется общим ростом данных населенных пунктов, где было много крупных промышленных предприятий. В то же время при неоспоримом общем росте еврейское население этих городов все же не достигло сколько-нибудь значительного размера. Одна из причин этого – структура занятости евреев, которая не менялась коренным образом с 1930-х годов. В 1959 г. 78% евреев, проживавших в Московской обл., были служащими и только 19,5% – рабочими. (Среди общего числа занятых жителей области на долю рабочих приходилось 66%, на долю служащих 25,7%; 6,6% составляли колхозники, среди которых практически не было евреев.) Таким образом, молодые растущие города тогдашнего «среднего Подмосковья», к которым относятся все, без исключения, перечисленные выше населенные пункты, могли привлекать лишь сравнительно небольшую часть еврейского населения. Основная его масса по-прежнему проживала в городах ближнего Подмосковья. Еще одной причиной этого было то, что евреи-служащие в 1950-е годы с трудом могли найти себе работу на предприятиях оборонного комплекса, которые в тот период главным образом строились в городах «среднего Подмосковья». На старых промышленных предприятиях в «ближнем Подмосковье» евреев было по-прежнему достаточно много.

Если отличия между евреями и всем населением в структуре занятости, отмечавшиеся в довоенный период[69] и в 1950-е годы, сохранялись в Московской обл. в полной мере, то различия между служащими-евреями и остальными служащими были далеко не столь велики. Распределение служащих по сферам занятости в 1959 г. показано в табл. 2.

В 1950-е годы весьма несущественными стали различия в таких сферах, как торговля и здравоохранение, традиционно игравших важную роль в структуре занятости евреев. То же можно сказать о науке, которая как раз в тот период выходит на

Таблица 2

Распределение служащих Московской обл. по основным сферам занятости. (% от общего числа служащих)

Население	Промышленность	Наука	Торговля	Здравоохранение	Просвещение	Строительство	Управление	Транспорт
Население в целом[70]	24,7	2	11,4	9,3	11,3	4,9	6,9	4,1
Евреи[71]	23	4,2	13,8	12,7	11,4	7,3	4,1	1,9

первый план в еврейской шкале социальных приоритетов. В области просвещения процент занятых евреев совпадал с процентом занятых среди всех служащих. В сфере управления евреи играли гораздо меньшую роль, чем неевреи, что объяснялось прежде всего государственной политикой, направленной на ограничение числа евреев в органах власти. В транспорте роль евреев традиционно была незначительной. Процент евреев, занятых в строительстве, значительно превышал средний показатель; это, видимо, было вызвано тем, что в условиях дискриминационных мер, предпринятых властями во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов, многие евреи отдавали предпочтение техническим профессиям, которые пользовались постоянным спросом в различных отраслях народного хозяйства, где, как они надеялись, на их национальность будут обращать меньше внимания.

Расширение границ города в 1960 г. и включение в его состав территорий с достаточно значительным еврейским населением привели к тому, что в 1970 г. перепись населения зафиксировала некоторое увеличение его численности по сравнению с предвоенным 1939 г. В 1970 г. в Москве проживали 251 350 евреев, что составляло 3,6% населения города[72]. Начавшийся в 1970-е годы выезд евреев за пределы СССР, рост смешанных браков, ассимиляция, в результате которой многие во время переписи перестали записываться евреями, привели к тому, что в 1989 г. в Москве было зафиксировано всего лишь 174 728 евреев (1,97% населения столицы)[73], в Московской обл. проживал 23 121 еврей (0,35% населения)[74]. Больше всего их проживало в Люберцах (1868), Мытищах (1580) и Химках (1332). Во всех остальных городах евреев было менее 1000 чел.

Еврейская община Москвы и Московского региона прошла долгий и сложный путь развития. К началу 1990-х годов, несмотря на существенное сокращение еврейского населения столицы, она оставалась самой крупной в России. Глядя в будущее, можно высказать предположение, что именно московская еврейская община имеет серьезные шансы на наиболее длительное существование в качестве национальной группы среди всех еврейских общин России и стран СНГ.

Примечания

[1] *Биншток В., Новосельский С.* Евреи в Ленинграде (Петербурге) // Вопросы биологии и патологии евреев. Сб. 1. Вып. 1. Л., 1926; *Они же.* Евреи в Ленинграде // Там же. Сб. 2. Л., 1928.

[2] Общество ремесленного труда (первоначальное название – Общество ремесленного и земледельческого труда среди евреев России; принятая аббревиатура – ОРТ) – филантропически-просветительская организация, ставившая своей задачей распространение и поощрение квалифицированного ремесленного и земледельческого труда среди евреев России. ОРТ финансировало еврейское профессиональное образование, помогало еврейским земледельческим поселениям и отдельным ремесленникам. ОРТ было основано в 1880 г. в Петербурге. В 1921 г. оно было преобразовано во всемирную организацию. Всероссийское (позже – Всесоюзное) ОРТ управлялось чиновниками, назначенными советским правительством, и хотя оно

формально считалось филиалом Всемирного, на практике действовало независимо от него. В 1930 г. Все-союзное ОРТ было объединено с Обществом по землеустройству евреев-трудящихся (ОЗЕТ). Всемирное ОРТ продолжало сотрудничество с Советским Союзом до 1938 г., когда его деятельность в СССР была окончательно запрещена. Работа ОРТ в нашей стране была возобновлена только в 1990 г.

[3] Дос уфгерихте фолк (Осужденный народ.) М., 1948.

[4] *Зингер Л.Г.* Еврейское население г. Москвы // Вопросы биологии и патологии евреев. Сб. 3. Вып. 1. Л., 1930.

[5] *Куповецкий М.С.* Еврейское население Москвы (XV–XX вв.) // Этнические группы в городах европейской части СССР. М., 1987. С. 58.

[6] Там же.

[7] Там же. С. 58.

[8] *Гессен Ю.* История еврейского народа в России. Москва; Иерусалим, 1993. С. 77.

[9] Московское изгнание евреев 1790 г. / Публикация Д. Фельдмана // Вест. Еврейского Университета в Москве. 1996. № 1 (11). С. 188.

[10] *Дубнов Ш.* Судьбы евреев в России в эпоху западной первой эмансипации (1789–1815) // Евреи в Российской империи XVIII–XIX веков. Москва; Иерусалим, 1995. С. 282.

[11] *Куповецкий М.С.* Указ. соч. С. 60.

[12] *Марек П.* К истории евреев в Москве. 2-й период (1827–1865) // Восход, 1893. № 6. С. 85.

[13] Еврейская энциклопедия. Т. 11. М., 1991. С. 333.

[14] Там же. С. 334.

[15] Краткая еврейская энциклопедия. Т. 5. Иерусалим, 1990. С. 473.

[16] *Куповецкий М.С.* Указ. соч. С. 61.

[17] Там же. С. 64.

[18] Еврейская энциклопедия. Т. 11. С. 340.

[19] Интервью с И. Вайзером, раввином синагоги в Салтыковке, взятое в 1999 г.

[20] *Куповецкий М.С.* Указ. соч. С. 61.

[21] Там же. С. 63.

[22] Там же.

[23] Там же.

[24] Краткая еврейская энциклопедия. Т. 5. С. 474.

[25] *Куповецкий М.С.* Указ. соч. С. 61.

[26] *Брауде Х.* Материалы по естественному движению еврейского населения в Москве за 48 лет (1870–1917) // Вопросы биологии и патологии евреев. Сб. 1. Вып. 1. Л., 1926. С. 65.

[27] *Куповецкий М.С.* Указ. соч. С. 66.

[28] *Брауде Х.* Указ. соч. С. 65.

[29] *Куповецкий М.С.* Указ. соч. С. 66.

[30] Еврейская энциклопедия. Т. 11. С. 337.

[31] *Брауде Х.* Указ. соч. С. 65.

[32] *Куповецкий М.С.* Указ. соч. С. 66.

[33] *Брауде Х.* Указ. соч. С. 65.

[34] *Куповецкий М.С.* Указ. соч. С. 67.

[35] Еврейское население СССР (движение за время с 1897 по 1923 год и распределение по республикам и населениям) / Сост. Л. Зингер. (Материалы и исследования Объединенной статистико-экономической комиссии при правлении Всероссийского ОРТ). Вып. 1. М., 1927.

[36] Всесоюзная перепись населения 1926 г. Отд. 1. Т. 2. М., 1928.

[37] *Зингер Л.Г.* Указ. соч. С. 154.

[38] Там же. С. 158.

[39] Там же. С. 159.

[40] Всесоюзная перепись населения 1926 г. Отд. 1. Т. 2.

[41] *Зингер Л.Г.* Указ. соч. С. 159.

[42] Там же. С. 160.

[43] Там же. С. 163.

[44] Еврейское население СССР в таблицах и диаграммах / Сост. Л. Зингер и Б. Энгель (Материалы и исследования Объединенной статистико-экономической комиссии при правлении Всероссийского ОРТ.) Вып. 5. М., 1930.

[45] *Зингер Л.Г.* Указ. соч. С. 161.

[46] См. напр.: Малаховка и Касимовский поселок. М., 1911.

[47] См. напр.: «Лосиноостровская» и ее окрестности / Путеводитель и справочная книга. М., 1913.

[48] Всесоюзная перепись населения 1926 года. Отд. 1. Т. 2

[49] Там же.

[50] Там же.
[51] Там же.
[52] Там же.
[53] *Куповецкий М.С.* Указ соч. С. 68.
[54] Российский государственный архив экономики далее – РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 978.
[55] Там же.
[56] Там же.
[57] Там же.
[58] Там же.
[59] Там же.
[60] Там же.
[61] Всесоюзная перепись населения 1926 г. Отд. 1. Т. 2.
[62] РГАЭ Ф. 1562. Оп. 336. Д. 978.
[63] Там же
[64] Там же.
[65] Там же.
[66] *Гаврилова И.Н.* Демографическая история Москвы. М., 1998.
[67] *Куповецкий М.С.* Указ. соч. С. 69.
[68] Российская еврейская энциклопедия. Т. 4. М., 2000. С. 66.
[69] *Бейзер М.* Евреи Ленинграда. Ленинград; Иерусалим, 1999. С. 88; см. также с. 120.
[70] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1982.
[71] Там же.
[72] Краткая еврейская энциклопедия. Т. 5. С. 479.
[73] Народы России: Энциклопедия. М., 1994. С. 438.
[74] Там же.

Yu.A. Snopov. Jews in Moscow: a Demographic Account (XVth – mid-XXth cc.)

The demographic history of the Moscow (city and region) Jewish community formation is the object of the article. During several centuries prior to the last third of the XVIIIth c., when, after the divisions of Poland a durable urban Jewish community emerged, there had been only individual Jewish residents in Moscow. The community consisted of temporarily residing businessmen, as a permanent residence for the Jews / Judaists had been still prohibited. Later, in 1860–70s Jewish merchants, craftsmen, persons with university education and some other categories were allowed to reside permanently beyond the Pale. By 1891 the number of Jews in the capital has reached 35 thousand. New restrictions prevented further growth of Moscow Jewish community. Only after the February revolution the Jews received permission to settle freely within the city. In 1930s the Jewish community had been the second largest ethnic group in Moscow, playing an important part in the metropolitan social and economic life. The article is based both on published and archival sources; some of the latter are published for the first time.